

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев с участием заявителя А., адвокатов Ж. и П. посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе А. от 08 апреля 2021 года (вх. № ... от 12.04.2021), в отношении адвоката Ж. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) и адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 года адвокат Ж.:

- не исполнила, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, свои профессиональные обязанности перед доверителем А., что выразилось в заключении ею 24 июля 2020 года с А. Договора № ... на защиту по уголовному делу и полном устранении от оказания юридической помощи доверителю;

- ненадлежаще, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 и п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнила свои профессиональные обязанности перед доверителем А., что выразилось во включении в Договор от 24 июля 2020 года № ... на защиту по уголовному делу с доверителем А. условий об оплате дополнительного вознаграждения в зависимости от результата оказания А. юридической помощи по уголовному делу («гонорара успеха»), а именно, что в случае вынесения в отношении А. оправдательного приговора, а также в случаях вынесения в отношении А. обвинительного приговора без назначения наказания или обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, А. должна оплатить дополнительное вознаграждение в размере 200 000 рублей.

В соответствии с тем же Заключением Квалификационной комиссии адвокат П. ненадлежаще, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем А., что выразилось в оказании доверителю А. юридической помощи в период с 24 июля 2020 года по 05 октября 2020 года в виде устных

консультаций по правовым вопросам без заключения в простой письменной форме соглашения об оказании юридической помощи, а лишь на основании устного соглашения.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель А. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Комиссии заявитель согласна частично. Не согласна с тем, что в отношении адвоката П. дисциплинарное производство частично признано подлежащим прекращению. В Щ. районном суде города Москвы ее защиту осуществлял адвокат К. Соглашение она заключала с адвокатом Ж. Целью заключения соглашения, по её мнению, являлась защита ее самой и ее сына по уголовному делу, по которому они оба привлекались к уголовной ответственности. Поддерживает в полном объеме доводы своих возражений от 07 августа 2021 года (вх. № ... от 09.08.2021).

Адвокат Ж. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии согласна в части недопустимости включения в соглашение об оказании юридической помощи по уголовным делам положения о «гонораре успеха», в остальной части не согласна, поскольку считает, что не принимала поручения на защиту сына А. Доводы своих письменных возражений от 16 августа 2021 года (вх. № ... от 16.08.2021) поддерживает в полном объеме. В соглашении имеются технические ошибки, которые заявитель А. толкует в свою пользу. Адвокат Ж. подписала соглашение исключительно в качестве лица, которое принимает оплату по этому делу, но не как адвокат, который принимает поручение. Она толковала это соглашение как договор, а не как соглашение об оказании юридической помощи, при этом разницу между договором и соглашением с учётом содержания ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» пояснить затруднилась. Считает, что «в гражданско-правовых отношениях адвокатам следует давать больше прав на заключение договоров». Понимает, что ее позиция не соответствует законодательству, и она должна понести дисциплинарную ответственность.

Адвокат П. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии не согласен в той части, что он оказывал юридическую помощь в отсутствие соглашения. У него не было соглашения об оказании юридической помощи А., и он не оказывал ей никакую юридическую помощь. С ней у адвоката П. вообще не было отношений «адвокат-доверитель». Он беседовал с А. по телефону, поскольку изучал документы по уголовному делу, касающиеся её сына, который привлекался к уголовной ответственности вместе с ней в по одному

уголовному делу и защитником которого адвокат П. являлся на основании заключённого соглашения. Защиту А. в суде он не осуществлял, её защищал другой адвокат.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии в части дисциплинарных обвинений в отношении адвоката Ж., поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах. В части дисциплинарного обвинения в отношении адвоката П. Совет, признавая фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, не соглашается с её выводами и, вопреки им, считает необходимым прекратить дисциплинарное производство, поскольку Квалификационной комиссией допущена ошибка в правовой оценке деяния адвоката.

Так, установлено, что А. обратилась в Московскую коллегию адвокатов «...» и 24 июля 2020 года заключила в качестве «заказчика» с председателем коллегии адвокатом Ж. Договор № ... на защиту по уголовному делу (далее «Договор»). Согласно п. 1.1 указанного Договора, предметом поручения являлось осуществление в установленном УПК РФ порядке «защиты А. в ходе судебного разбирательства по уголовному делу в Щ. районном суде города Москвы в отношении А.».

Согласно п. 1.3 Договора «Для выполнения предусмотренного данным договором поручения Исполнитель назначает по согласованию с Заказчиком адвоката для осуществления защиты в течение всего периода предварительного расследования». При этом под «исполнителем» в соответствии с используемой в Договоре терминологией понимается МКА «...».

Согласно п. 4.1 Договора «Стороны определили оплату по делу в размере 150 000 (сто пятьдесят тысяч) руб., которая вносится в течение 1 дня с момента заключения настоящего Договора». Данная сумма была оплачена А. в полном объеме.

Пунктом 4.2 Договора предусмотрено условие об оплате «заказчиком» А. дополнительного вознаграждения (дополнительной оплаты) в размере 200 000 рублей в случае вынесения в отношении А. оправдательного приговора, а также в случаях вынесения в отношении А. обвинительного приговора без назначения наказания или обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы.

Действие Договора было прекращено по инициативе А. на основании поданного ею в МКА «...» заявления от 05 октября 2020 года с предложением расторгнуть Договор и вернуть оплаченные по Договору денежные средства. После прекращения действия Договора А. заказным почтовым отправлением (трек код № ...) направила в МКА «...» претензию от 02 ноября 2020 года, в которой также содержалось требование о возврате оплаченных ею денежных средств в полном объеме. Согласно сведениям, имеющимся на официальном сайте Почты России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<<https://www.pochta.ru/tracking...>>), данная претензия была

отправлена А. 08 ноября 2020 года адвокату Ж. в МКА «...» и вручена адресату 13 ноября 2020 года.

В день заключения указанного Договора с А. между МКА «...» и адвокатом П. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи от 24 июля 2020 года, в соответствии с которым адвокат П. принял на себя обязательство оказать А. «юридические услуги» по защите ее сына, А.С., в Щ. районном суде города Москвы.

Квалификационная комиссия правильно определила предмет дисциплинарного производства, сформулировав на основе жалобы А. от 08 апреля 2021 года (вх. № ... от 12.04.2021) следующие дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Ж.:

1) она не осуществляла взятые на себя по Договору обязательства по защите А. по уголовному делу;

2) она включила в Договор условие о «гонораре успеха».

Рассматривая эти дисциплинарные обвинения, Совет, прежде всего, отмечает, что в соответствии с п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в коллегии адвокатов соглашения об оказании юридической помощи заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов. Данное предписание специального закона, регулирующего вопросы оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи (осуществления адвокатской деятельности), обязывает адвоката, состоящего в коллегии адвокатов, и одновременно наделяет его правом заключать соглашение об оказании юридической помощи с доверителем. Заключая соглашение об оказании юридической помощи, адвокат тем самым принимает на себя обязанность по оказанию юридической помощи и исполнению поручения доверителя, предусмотренного таким соглашением, а также обязанность по соблюдению при заключении соглашения и при исполнении обязанностей перед доверителем предписаний и требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, включая требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи.

Как следует из материалов дисциплинарного производства, стороной по Договору с А. от 24 июля 2020 года указана МКА «...» в лице председателя коллегии адвоката Ж., подпись которой содержится в Договоре.

Учитывая приведенные выше нормативные положения, Совет обращает внимание адвоката Ж. на то, что коллегия адвокатов не может выступать стороной соглашения об оказании юридической помощи, и, следовательно, в рассматриваемых обстоятельствах именно адвокат Ж., лично подписавшая Договор с А., приняла на себя поручение об оказании А. юридической помощи по Договору. При этом обязанность по соблюдению требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекса профессиональной этики адвоката при заключении Договора с А. также возложена на адвоката Ж. как профессионального участника правоотношений с доверителем.

Совет также отмечает, что предусмотренные пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством способами предполагают личное участие адвоката в процессе оказания юридической помощи доверителю.

Адвокат Ж. в письменных пояснениях от 16 апреля 2021 года (вх. № ... от 20.04.2021) не отрицает, что оказание юридической помощи А. по Договору не осуществляла и не намеревалась осуществлять. Адвокат Ж. также указывает, что в соответствии с п. 1.3 Договора с А. была достигнута устная договоренность о том, что юридическую помощь А. будет оказывать именно адвокат П., после чего А. «определила», что юридическая помощь требуется не ей, а ее сыну А.С. Давая пояснения в ходе дисциплинарного разбирательства, адвокат Ж. сообщила, что предлагала А. подписать изменения к Договору в части определения лица, которому оказывается юридическая помощь, однако А. отказалась это сделать.

Вместе с тем, Совет отмечает, что в своей жалобе А. указывает, что «на протяжении всего судебного разбирательства по уголовному делу председатель коллегии Ж., выступающий по соглашению как «Исполнитель», не осуществляла взятые на себя обязательства по моей защите», а договор от 24 июля 2020 года предусматривает оказание юридической помощи непосредственно самой А., и в материалах дела отсутствуют доказательства того, что предмет поручения, сформулированный в п. 1.1 указанного Договора, был изменен.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт установленным, что адвокат Ж., в нарушение приведенных выше нормативных положений, самоустранилась от исполнения обязанностей по Договору, и приходит к выводу об обоснованности дисциплинарного обвинения в рассматриваемой части и виновном неисполнении адвокатом Ж. обязанностей по Договору перед доверителем А.

Оценивая дисциплинарное обвинение во включении в Договор положений о дополнительной оплате в размере 200 000 рублей, которая выплачивается в зависимости от результата оказания юридической помощи по уголовному делу, Совет отмечает следующее.

С 01 марта 2020 года ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» дополнена п. 4.1, которым установлено, что «в соответствии с правилами, установленными советом Федеральной палаты адвокатов, в соглашение об оказании юридической помощи может включаться условие, согласно которому размер выплаты доверителем вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, *за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении*» [выделено Советом].

Согласно п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции, действовавшей на момент заключения Договора, адвокат вправе включать в соглашение на оказание юридической помощи условия, в соответствии с которыми выплата вознаграждения ставится в зависимость от благоприятного для доверителя результата рассмотрения спора *имущественного характера* [выделено Советом]. На момент рассмотрения данного дисциплинарного производства п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката действует в следующей редакции: «Адвокат вправе в соответствии с правилами, установленными советом Федеральной палаты адвокатов, включать в соглашение об оказании юридической помощи условия, согласно которым выплата (размер выплаты) вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, *за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении*» (редакция утверждена X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2021 года) [выделено Советом].

Дисциплинарные органы Адвокатской палаты города Москвы в своих заключениях и решениях неоднократно указывали на недопустимость включения в соглашение на осуществление защиты по уголовному делу положений, предусматривающих выплату вознаграждения, в том числе дополнительного, в зависимости от результата оказания юридической помощи («гонорара успеха»):

- «включив в соглашение на оказание юридической помощи условие о получении гонорара в зависимости от результатов рассмотрения уголовного дела, адвокат Л. нарушила законодательные предписания и породила у своего доверителя сомнения не только в честности адвоката, но и в беспристрастности суда, что является недопустимым» (*Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. М., 2014. С. 200*).

- «требования адвоката Н. к заявителю В. о выплате дополнительного вознаграждения («гонорара успеха») являются неправомерными и наказуемыми в дисциплинарном порядке» (*Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 6, 7 (116, 117). Москва, 2013. С. 22*).

Пункт 4.2 Договора от 24 июля 2020 года, заключенного адвокатом Ж., содержит условие о том, что в случае вынесения в отношении А. оправдательного приговора, а также в случаях вынесения в отношении А. обвинительного приговора без назначения наказания или обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, А. должна оплатить дополнительное вознаграждение в размере 200 000 рублей. Данное условие является условием «о гонораре успеха», включение которого в соглашение об оказании юридической помощи на осуществление защиты по уголовному делу запрещено положениями п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Ж. опровергнутой в отношении обоих

дисциплинарных обвинений, а её вину в совершении указанных дисциплинарных нарушений установленной.

Переходя к оценке доводов жалобы А. от 08 апреля 2021 года (вх. № ... от 12.04.2021) об оказании ей адвокатом П. юридической помощи без заключения соглашения, а также о неоказании ей адвокатом П. квалифицированной юридической помощи, Совет отмечает следующее.

Адвокат П. в письменных и устных пояснениях последовательно указывает, что он осуществлял защиту по уголовному делу в Щ. районном суде города Москвы А.С. – сына заявителя А., при этом она также привлекалась к уголовной ответственности по тому же делу. А. считала его не только защитником своего сына, но и своим защитником, «несмотря на продолжительные объяснения, разговоры, переписку в ватсап и по электронной почте, звонки по несколько часов», в связи с чем адвокату П. «в ватсап и электронную почту ежедневно поступало огромное количество документов..., что, естественно, приходилось изучать, чтобы объяснить, что имеет отношение к правовой позиции по делу, избранной защитником, а что нет». И «после того, как я [адвокат П. – *примечание Совета*] принял решение общаться с А. только в рамках защиты ее сына в уголовном процессе, ею была направлена претензия с немедленным расторжением договора [имеется в виду заявление А. от 05 октября 2020 года – *примечание Совета*]».

Между тем, правильно установив фактические обстоятельства взаимоотношений адвоката П. и заявителя А., Квалификационная комиссия допустила ошибку в их правовой оценке, придя к неверному выводу о том, что адвокатом П. оказывалась юридическая помощь А. «в форме устных консультаций по юридическим вопросам в связи с рассмотрением Щ. районным судом города Москвы уголовного дела с участием А. и ее сына».

Совет не может согласиться с этим выводом Квалификационной комиссии, основанном на предположении. Как следует из материалов дисциплинарного производства, А. и ее сын А.С. привлекались к уголовной ответственности по одному уголовному делу как соучастники. Адвокат П. являлся защитником подсудимого А.С., а защитником подсудимой А. являлся адвокат К. Адвокат П. действительно анализировал присылаемые А. документы для выяснения вопроса об их относимости к занимаемой им позиции защиты и по итогам этого анализа сообщал А. свое мнение. Совет считает, что такой анализ мог иметь значение прежде всего для защиты адвокатом П. своего доверителя – А.С., при этом нет оснований утверждать, что эта деятельность являлась оказанием юридической помощи А.С. Сам по себе факт разговоров адвоката П. с А., которая являлась обвиняемой по тому же делу и матерью подзащитного адвоката П., не свидетельствует об оказании юридической помощи в виде устных консультаций именно А.

Изучение адвокатом документов, а также сообщение близкому доверителю лицу выводов их относимости и значимости для отстаивания позиции доверителя не может быть расценено в качестве юридической консультации иного, чем доверитель, лица. Тем более в ситуации, когда

документы могут иметь значение как для доверителя адвоката П. – А.С., так и для его матери – А.

Каких-либо иных доказательств оказания адвокатом П. юридической помощи именно А. в материалах дисциплинарного производства не имеется, а утверждения А. об этом носят неконкретный и непоследовательный характер, в том числе о предмете юридической помощи, якобы оказывавшейся ей адвокатом П.

То обстоятельство, что А., имея своего защитника по делу и в силу своих представлений о характере взаимоотношений с адвокатом П., считала его также и своим защитником, не свидетельствует о том, что последним оказывалась ей юридическая помощь, и не влияет на оценку его профессионального поведения.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката П. неопровергнутой и вопреки заключению Квалификационной комиссии приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката П. в связи с отсутствием в его действиях нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в отношении адвоката П. в неоказании квалифицированной юридической помощи, а также в том, что он «не обладает должной квалификацией», Совет признаёт его явно необоснованными как вследствие предыдущего вывода о неоказании адвокатом П. юридической помощи А., так и вследствие отсутствия конкретизации этого дисциплинарного обвинения.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ж. за совершенные ею дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их грубый и умышленный характер, свидетельствующий о явном игнорировании адвокатом Ж. основополагающих правил профессионального поведения, регулирующих вопросы надлежащего оформления договорных отношений с доверителем и о вознаграждении адвоката. Эти действия адвоката Ж. привели к введению доверителя в заблуждение относительно существенных условий соглашения об оказании юридической помощи, и они особенно недопустимы с учётом того, что адвокат Ж. является руководителем адвокатского образования. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат Ж. с момента приобретения статуса адвоката к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При таких обстоятельствах Совет считает возможным сохранить адвокату Ж. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату Ж. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде **предупреждения** за:

- неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем А., что выразилось в заключении ею 24 июля 2020 года с А. Договора № ... на защиту по уголовному делу и полном устраниении от оказания юридической помощи доверителю;

- ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 и п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем А., что выразилось во включении в Договор от 24 июля 2020 года № ... на защиту по уголовному делу с доверителем А. условий об оплате дополнительного вознаграждения в зависимости от результата оказания А. юридической помощи по уголовному делу («гонорара успеха»), а именно, что в случае вынесения в отношении А. оправдательного приговора, а также в случаях вынесения в отношении А. обвинительного приговора без назначения наказания или обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, А. должна оплатить дополнительное вознаграждение в размере 200 000 рублей.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе А. от 08 апреля 2021 года (вх. № ... от 12.04.2021) в отношении адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков